

Изумление во взгляде Цзянь Суйчжоу сменилось яростью. Кровь бросилась в голову, даже кончики ушей покраснели от гнева. Он процедил сквозь зубы, понизив голос:

— Мэн Цяньшань!

Принц подумал, что Мэн Цяньшаню крупно повезло: не будь он профессором-историком в теле принца, этот евнух вряд ли отделался бы сегодня быстрой смертью.

Мэн Цяньшань замер, осознав, что его «помощь» пришлась совсем не к месту. Он испуганно забормотал:

— Слуга... слуга увидел, что хозяину не нужны подчиненные, и подумал... подумал, бассейн большой, места хватит, вот и... вот и...

Он сам не знал, как закончить оправдание.

Ощувив холод на обнаженной коже, Цзянь Суйчжоу поплотнее запахнул нижнее платье и глубоко вдохнул, стараясь говорить спокойно:

— Лекарь только пару дней назад сменил ему повязки, ты забыл? Хочешь снова размочить их в горячей воде? Мэн Цяньшань, если твоя голова тебе ни к чему, я найду того, кто тебе её снимет.

От гнева его и без того слабое тело начало мелко дрожать. Мэн Цяньшань, не чуя под собой ног, схватился за кресло и пулей вылетел из купальни.

Даже убегая, он не смел причинить Хо Уцзю ни малейшего беспокойства; спотыкаясь на каждом шагу, он поспешно укатил кресло обратно в спальню.

Цзян Суйчжоу облегченно выдохнул и снова скинул одеяние.

Выходка Мэн Цяньшаня изрядно спутала его мысли. Впрочем, купальня была обустроена искусно, а температура воды — идеальной; погрузиться в нее после долгого дня было истинным наслаждением.

Цзян Суйчжоу полностью отдался отдыху, и лишь когда почувствовал приятную истому, поднялся, переоделся в чистое нижнее платье и вернулся в спальню.

Мэн Цяньшань, объятый ужасом, уже давно скрылся. Теперь в комнате остался лишь Хо Уцзю, который сидел в кресле, прислонившись к спинке, и читал.

Цзян Суйчжоу почувствовал неловкость.

Все из-за этого недоумка Мэн Цяньшаня... Приспичило же ему вкатить Хо Уцзю в купальню прямо посреди процесса.

Вытирая волосы, принц подошел к кушетке и присел. Возможно, из-за того, что Хо Уцзю сегодня на редкость охотно поддержал разговор, Цзян Суйчжоу расслабился и заговорил прямо:

— Это была глупая затея Мэн Цяньшаня, — сказал он.

Хо Уцзю отложил книгу и сухо уронил:

— Неважно.

С этими словами он развернул кресло и сам направился во внутренние покои, чтобы умыться.

Цзян Суйчжоу втайне вздохнул с облегчением.

Значит, ему не почудилось... Хо Уцзю, хоть и оставался с ним холодным как лед, теперь хотя бы соизволил отвечать.

— Пусть даже это был отказ.

Но это доказывало, что его старания не напрасны: по крайней мере, Хо Уцзю почувствовал его заботу.

Принц проводил взглядом спину генерала, пока тот не скрылся за ширмой, и, взяв недочитанную книгу, поудобнее устроился на кушетке.

Стоило ему лечь, как он сразу заметил перемену.

Подстилка стала на целый слой толще, подушки заменили на новые, и даже одеяло постелили на редкость уютное.

Сразу видно: Мэн Цяньшань поверил в его утреннюю ложь и, испугавшись, что хозяин будет страдать, приложил все усилия для его комфорта.

Цзян Суйчжоу мгновенно простил евнуху его недавнюю дерзость.

Есть ли в этом мире что-то более прекрасное, чем возможность крепко выспаться?

На данный момент — определенно нет.

Он и не догадывался, что едва Хо Уцзю въехал во внутренние покои, кресло на мгновение замерло.

Его руки едва заметно скользнули по ободам колес.

В лицо ударил влажный теплый пар. В белесой дымке виднелась пустая купальня и оставшиеся на полу следы воды.

Лепестки цветов в бассейне плавно покачивались на мелкой ряби, а на медной стойке рядом висело снятое принцем платье.

Подобная обстановка невольно заставляла вспомнить ту картину, что он увидел мгновением ранее.

Например, рассыпавшиеся черные волосы, наполовину расстегнутое нижнее платье и внезапно обнажившуюся белизну груди и живота, когда тот обернулся.

Хо Уцзю долгие годы провел в армии и навидался мужских тел в избытке: летом солдаты толпой ходили купаться на реку.

Но... он никогда не видел таких мужчин.

То ли из-за того, что кожа того не знала ни палящего солнца, ни секущего дождя, то ли внешность была слишком незаурядной, но Хо Уцзю поспешно отвел взгляд.

Он никогда не встречал настолько... мужчин, что даже не мог сходу подобрать подходящий эпитет, не отдающий чем-то двусмысленным.

В самом деле, те мужики, которых он знал, раздеваясь друг перед другом, не видели в этом ничего особенного. Никто из них не вел себя как принц Цзин: не успев проронить ни слова, поспешно запахнул одежду, да еще и покраснел кончиками ушей от стыда.

...Словно красная девица.

Хотя для Хо Уцзю и образ «красной девицы» был чем-то туманным, при мысли о Цзян Суйчжоу у него в голове внезапно всплыло это ехидное сравнение.

А сердце, словно вдогонку, пропустило пару лишних ударов.

Эту ночь Цзян Суйчжоу проспал удивительно крепко. Проснувшись поутру, он почувствовал необычайную бодрость и легкость во всем теле.

Мэн Цяньшань с раннего утра накрыл стол. Должно быть, из-за вчерашнего промаха сегодня выбор блюд был особенно изысканным, и все — исключительно те, что больше всего любил Цзян Суйчжоу.

Принц мельком взглянул на евнуха — тот улыбался виновато и заискивающе.

Цзян Суйчжоу промолчал, холодно отведя взгляд.

Пусть помучается неизвестностью, авось впредь не будет заниматься самоуправством и создавать ему лишние проблемы.

Лишь закончив завтрак, Цзян Суйчжоу снизошел до разговора.

— Не пора ли господину Хо менять повязки? — спросил он.

Мэн Цяньшань закивал:

— Лекарь прибудет сегодня чуть позже, Ван-е может быть спокоен.

Цзян Суйчжоу кивнул, помедлил и спросил:

— Какое сегодня число?

— Сегодня восьмое, Ван-е, — поспешно ответил слуга.

Принц снова кивнул.

— Четыре дня прошло. Отправь кого-нибудь в покои господина Гу. Скажи, что сегодня вечером я буду ужинать там.

Мэн Цяньшань опешил.

Ван-е! Как же... как же можно говорить такое прямо при господине Хо!

Евнух ошарашенно уставился на господина. Лишь когда Цзян Суйчжоу, не дождавшись ответа, строго посмотрел на него, он пробормотал:

— Да... слуга сейчас же все устроит...

Цзян Суйчжоу нахмурился, заметив выражение его лица.

Что за мина? Прямо при Хо Уцзю пялится на него так, будто он какой-то изменщик!

А если Хо Уцзю заметит и подумает что не так?

Принц украдкой взглянул на генерала.

Тот, казалось, был полностью поглощен едой, будто и вовсе ничего не слышал.

«Впрочем, логично. С тех пор как Хо Уцзю вошел в мой дом, между нами не было ничего, кроме холодного перемирия. Наверняка Хо Уцзю и сам понимает, что мои отношения с ним — это совсем не то же самое, что с Гу Чанцзюнем и остальными».

...Хотя его отношения с Гу Чанцзюнем и прочими тоже были, мягко говоря, девственно чистыми.

Успокоив себя этими мыслями и решив, что время поджидает, Цзян Суйчжоу поднялся и отправился в Министерство ритуалов продолжать свое «ничегонеделание».

Один лишь Мэн Цяньшань остался стоять с похоронным видом, глядя на Хо Уцзю.

Теперь он на собственной шкуре понял поговорку о том, что «император не спешит, а евнух сгорает от нетерпения».

У мужчин голова и то, что ниже пояса, определенно живут разной жизнью. Взять хотя бы Ван-е: вчера еще так проникновенно рассуждал о своих чувствах к господину Хо — мол, так сильно любит, что даже пальцем тронуть боится, — а сегодня прямо при нем заявляет, что идет к другому наложнику.

Мэн Цяньшань с тоской посмотрел на Хо Уцзю, который сидел с отрешенным и равнодушным видом.

Надо бы хоть как-то утешить «госпожу». Хоть тот и выглядит так, будто ему все равно, нельзя допустить, чтобы у него сложилось плохое впечатление о Ван-е как о ветреном человеке.

Поразмыслив, он вышел из комнаты, велел служанке передать приказ Ван-е в покои господина Гу, а сам вернулся и замер перед Хо Уцзю.

— Господин Гу вошел в поместье раньше всех, вы ведь и сами знаете, — с заискивающей улыбкой начал он.

Обращение «господин» из уст такого влиятельного евнуха, как Мэн Цяньшань, было верхом почтения. Обычно так называли наложников лишь их собственные слуги, но Мэн Цяньшань сейчас явно не считал это ниже своего достоинства.

Хо Уцзю лениво приподнял веки и взглянул на него.

Мэн Цяньшань, продолжая подобострастно улыбаться, принялся убеждать:

— У господина Гу нрав капризный, стоит ему пару дней не видеть Ван-е, как он начинает капризничать. Ван-е это не по душе, он идет туда только ради спокойствия, вовсе не из-за какой-то особой любви к нему.

Хо Уцзю нахмурился.

Зачем он это говорит? Какое ему дело до того, куда идет принц Цзин?

Эти речи звучали так, будто он — какая-то ревнивая баба из заднего двора.

А Мэн Цяньшань продолжал разглагольствовать:

— К тому же, этот господин Гу человек не слишком разумный. Хотя Ван-е и оберегает ваш покой, это не значит, что тот не решит прийти сюда и устроить сцену из ревности, верно? Так что Ван-е решил остаться там на ночь исключительно ради вашего же блага...

Хо Уцзю слушал эту болтовню с нарастающим раздражением, уже собираясь велеть ему заткнуться, как вдруг слово «переночевать» застало его врасплох.

В памяти снова всплыла вчерашняя сцена в купальне.

Он вспомнил тонкую талию того человека, его покрасневшие от стыда уши и тот чистый, бархатистый голос, которым он шептал за дверью о своей давней любви.

Каков этот мужчина, когда проводит ночь с другим мужчиной?

Генерал замер.

...О чем он только думает!

Эта мысль пришла так внезапно и не вовремя, что он разозлился на самого себя.

Он поднял глаза и ледяным взглядом смерил Мэн Цяньшаня.

От одного этого взгляда у евнуха перехватило дыхание, и он мгновенно замолк, в страхе глядя на Хо Уцзю.

Хо Уцзю смотрел на него снизу вверх, но его мрачный, тяжелый взгляд заставлял невольно желать пасть ниц.

Генерал помедлил.

...Зачем он вообще тратит силы на этого придурковатого евнуха?

Он отвел взгляд.

Пусть формально он числился наложником Цзян Суйчжоу, для него это было лишь сменой одной тюрьмы на другую. Если даже в темницах Южного Цзина ему не сломили хребет, то уж в этом гадюшнике он точно не позволит себя ассимилировать.

И уж точно не пристало ему рычать на слугу из-за таких пустяков.

С этими мыслями Хо Уцзю снова посмотрел на Мэн Цяньшаня.

— Проваливай, — бросил он.

Голос его не стал мягче — напротив, в нем прибавилось угрожающих ноток.

<http://bllate.org/book/16965/1578929>